

После того как Сы Юэ поднялся к себе, дядя Чэнь зашел в гостиную, чтобы прибрать разбросанные на столе документы — это было его последнее дело перед сном.

Огонь в камине уже окончательно погас.

Дядя Чэнь подошел к окну во весь рост и задернул шторы. Глядя на аккуратно высаженную рассаду в саду, он невольно вспомнил о букете, который господин Бай Цзянь подарил молодому господину А-Юэ. Один и тот же сорт цветов может стоять совершенно по-разному в зависимости от качества; букет тюльпанов был настолько огромным, что дяде Чэню едва хватило трех ваз, чтобы расставить их.

Когда он впервые увидел молодого господина А-Юэ, сам факт того, что тот человек, поверг дворецкого в неопишуемый шок.

— Господину Бай Цзяню стоило бы говорить с молодым господином А-Юэ более прямо, — пробормотал старик, задергивая шторы. Глядя на лицо Бай Цзяня, которое не изменилось ни на йоту за последние десятилетия, он невольно вздохнул: тритоны и впрямь существа, обласканные и помилованные небесами.

Когда дядя Чэнь только пришел в дом Баев, ему было немногим за двадцать. Тогда господин Бай Цзянь точно так же сидел в гостиной, листая книги или газеты, и вел с ним мягкие беседы. Сейчас дворецкому было уже за пятьдесят, а господин Бай Цзянь оставался всё тем же.

— Чэнь Ян, — на губах Бай Цзяня промелькнула едва заметная улыбка. — Не каждый захочет, чтобы тритон оставлял на нем свою метку, даже если это делается из лучших побуждений.

Особенно если речь идет о таком строптивом человеческом детеныше, как А-Юэ.

На следующий день после полудня Сы Юэ должен был пойти в университет на собрание группы.

На их курсе в медицинском институте было меньше двух тысяч первокурсников. Даже после распределения по специальностям на клиническом факультете студентов было больше всего: шесть групп, в среднем по сорок человек в каждой.

С тех пор как Сы Юэ добавили в чат группы, уведомления там не умолкали ни на минуту. Он сразу поставил беззвучный режим: если случится что-то важное, староста или куратор всё равно тегнут всех участников.

Хотя о собрании было известно заранее, помощник куратора всё равно решил уведомить каждого первокурсника лично. Сы Юэ подтвердил запрос в друзья, и тот кратко сообщил время и место встречи. Когда Сы Юэ подтвердил, что придет вовремя, под аватаром собеседника еще долго висела надпись: «Печатает...»

Сы Юэ взял с тарелки печенье, откусил половину и невольно потянулся, желая развалиться на диване. Но на полпути он поймал на себе взгляд Бай Цзяня, сидевшего напротив и проводившего видеоконференцию, и тут же сел прямо.

В это время пришло сообщение от помощника куратора:

«Сы Юэ, ты единственный человек в нашей группе. На всем потоке вас всего двое. Я не то чтобы принимаю чью-то сторону, просто хочу предупредить: старайся не вступать в конфликты с тритонами. Факультет, конечно, разберется по справедливости, но до этого момента ссоры с ними не принесут тебе ничего хорошего».

Сы Юэ перечитал сообщение несколько раз, яростно разжевывая печенье. В Цинбэе ему еще никто не осмеливался говорить «не нарывайся на неприятности».

Семья Сы не была настолько никчемной, чтобы об неё мог вытирать ноги каждый встречный — просто она не шла ни в какое сравнение с такими могущественными кланами, как Бай. Он никогда не собирался кичиться своим происхождением, но неужели еще до начала учебы он столкнулся с видовой дискриминацией?

Заметив, как расслабленное лицо Сы Юэ вдруг стало холодным и мрачным, Бай Цзянь спросил, что случилось.

Сы Юэ протянул ему телефон:

— Сам посмотри.

Бай Цзянь взял мобильный, пробежал глазами сообщение и, усмехнувшись, сказал:

— Тритонам-первокурсникам едва исполнилось двадцать. В этом возрасте у них нестабильный гормональный фон. Хм... это что-то вроде вашего человеческого переходного возраста. У людей же к моменту поступления в университет характер обычно становится более уравновешенным.

Такое объяснение Сы Юэ принял гораздо легче. Он забрал телефон, а Бай Цзянь продолжил:

— Опасения твоего куратора вполне обоснованны. Если дело дойдет до стычки, человек всегда останется в проигрыше.

— Даже если тритоны сильны, это должно проявляться в воде, — недоумевал Сы Юэ. — Неужели на суше всё так же, как и в воде?

— А-Юэ, ты просто не представляешь разницу в физической силе между человеком и тритоном, — Бай Цзянь закончил конференцию, снял наушники и закрыл ноутбук. — Могу дать тебе прочувствовать это на себе.

Сы Юэ кивнул. Ему чертовски хотелось узнать, из-за чего так переживает помощник куратора.

— И... как мы это проверим? — с любопытством спросил он.

— Очень просто, — Бай Цзянь протянул руку ладонью вверх. — Дай мне свою руку. Если сможешь вырваться... Впрочем, забудь, это невозможно.

Сы Юэ посмотрел на его ладонь — белую и гладкую, как нефрит. Он вспомнил те перепончатые когти, которые Бай Цзянь показывал ему в воде. Сначала он колебался, но вызов мужчины подстегнул его, и Сы Юэ вложил свою руку в его ладонь.

Со стороны это выглядело так, будто они держатся за руки, как влюбленная пара.

Сы Юэ невольно вздрогнул от холода: температура тела тритона была намного ниже человеческой. В комнате, согретой камином и отоплением, прикосновение Бай Цзяня казалось ледяным. Это всё еще была рука человека, а не когтистая лапа.

Сы Юэ попытался отдернуть руку. Та не шелохнулась. Он поднажал — безрезультатно. Решив больше не скрывать силу, он вскочил, натянул руку всем телом, уперся ногой в журнальный столик, а когда одной ноги не хватило — уперся обеими, хватаясь свободной рукой за спинку дивана. Он перепробовал все способы, которые только мог придумать, и выложил все силы до остатка.

В конце концов, запыхавшийся и взъерошенный, он уставился на невозмутимого Бай Цзяня и выпалил:

— Я был королем школы, веришь? Почему вы, тритоны, такие сильные? — он опустил на корточки, внимательно рассматривая руку мужчины. — С виду же ничем не отличается от нашей.

Бай Цзянь посмотрел на его макушку и терпеливо ответил:

— Это просто видовые различия. У вас, людей, тоже есть много качеств, недоступных тритонам.

— Например? — вскинул голову Сы Юэ.

— Температура тела.

— 36,7. Нормально, — буркнул Сы Юэ.

— ...

Бай Цзянь откинулся на мягкую обивку дивана. Дорогой материал подчеркивал его элегантность и сдержанность, делая его и парня в толстовке и спортивных штанах представителями двух разных миров.

— Температура тела тритонов гораздо ниже, чем у людей. Я уже говорил, что у тритона за всю жизнь бывает лишь один партнер. И дело не в том, насколько мы романтичны. Просто тритоны

от природы лишены тех бурных страстей и желаний, что присущи людям. Наша эмоциональность в этом плане гораздо ниже. Даже без любви тритон будет хранить верность.

Сы Юэ слушал очень внимательно.

— Ну, это неплохо. Значит, у вас, рыб, высокие моральные принципы.

Бай Цзянь пристально посмотрел на него и издал короткий смешок, смысл которого был неясен. Спустя мгновение Сы Юэ почувствовал, что атмосфера стала какой-то странной, и решил сменить тему:

— Мне скоро в университет на собрание.

— Хорошо, — небрежно отозвался Бай Цзянь. — Тебя подвезти?

— Да нет, не нужно, — Сы Юэ посмотрел на него, а затем перевел взгляд на руку Бай Цзяня, с которой только что безуспешно боролся. В его голове промелькнула идея. — Но... если какой-нибудь тритон начнет меня притеснять, я могу воспользоваться твоим именем?

Зачем пропадать такой опоре? Он ведь не дурак.

— Каким именно именем? — Бай Цзянь хотел было что-то предложить, но Сы Юэ его опередил.

Юноша расплылся в улыбке — в ней смешались наглость и легкое смущение.

— Буду говорить: «Бай Цзянь — мой мужик». Как тебе? Если кажется слишком грубым, буду говорить «мой супруг» или, как ты выразился, «законный партнер».

Бай Цзянь отхлебнул чаю и мягко ответил:

— Как тебе будет угодно.

<http://bllate.org/book/14657/1301489>